

ли радостно и плескание рук нетокмо сопровождало мое слово, но даже предупреждало мысль» (I, 251). «Похвалы сии истинными в разуме моем изображались, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами» (I, 250). По этому поводу Прямовзора предостерегает царя от «словес ласкательства, ядовитые пары издыхающих», благодаря которым уши его «невозмутятся стенанием» (I, 253).

Велизарий осуждает «самонравную милость» царей, говоря: «Самое приятное для государя верховной власти употребление, есть то, что может по своему благоизволению жаловать милости и отличности. Побуждающая к тому склонность тем паче притягательна, что уподобляется добродейнию, и самой лучшей государю обманется, есть ли не остережется от прелести. Он видит только окружающих его; а все окружающее его повторяет ему непрестанно, что великость его состоит в его дворе, а сияние величества его происходит от обитающей в оном пышности, и что тогда токмо пользуется он своими правами, и лучшим из своих преимуществ, когда расточает милости, называемые его благодеяниями <...> Его благодеяниями, о праведный господи! истощение народа! ограбление бедных! Нет, сие от него весьма сокрыто. Одобрение, ласкательная угодность, и ложное вещей изображение окружают его. Бдение ласкателей, и его привычка неприметно обладают его склонностями. Он не видит слез, и не слышит вопля бедных воздыхающих от его великолепия. Он видит токмо радость, слышит желания превозносящих великолепие его придворных, навывает почитать оное добродетелью, и, не восходя к источникам расточаемых им сокровищ, щедр на них как бы на собственное свое имение <...> Самонравная милость есть всегда предзнаменованием худого правительства. <...> Там простывает ревность, приводится в забвение должность, ободряется бесстыдство, дерзновенно становится преступление, и все пороки своевольтва не боящегося наказания. Таково есть правительство, где самонравная милость владычествует».⁵²

Все эти безобразия имеют место при дворе радищевского царя. «...паче всего уязвило душу мою изливание моих щедрот. Я мнил в ослеплении моем, что ненужная казна общественная, на государственные надобности, неможет лучше употребиться, как на вспоможение нищаго, на одяние нагаго, на прокормление алчущаго <...> Но сколь прискорбно было видеть, что щедроты мои изливались на богатаго, на льстеца, на вероломнаго друга, на убийцу иногда тайнаго, на предателя и нарушителя общественной доверенности, на уловившаго мое пристрастие, на снисходящаго моим слабостям, на жену кичащуюся своим безстыдством. <...> Теперь ясно я видел, что знаки почестей мною раздаваемые всегда доставались в удел недостойным» (I, 256).

⁵² Там же, с. 118—119, 131.